

ПОИСКИ СМЫСЛА

В.В. Корнильев

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

Аннотация. Вопрос смысла жизни поднят во множестве философских и художественных произведений. На основе работы Иванова-разумника «О смысле жизни», включающей в себя анализ творчества Л. Шестова, Л. Андреева и Ф. Сологуба, производится осмысление и анализ темы с использованием положений современного естествознания об энтропии. Факты о неупорядоченности энергии указывают на прямое взаимоотношение темы смысла жизни, процесса развития и систематической организации, в том числе, это подкрепляется положениями Э. Фромма и Ф. Ницше о незавершенности человеческой природы. Явления любви, дружеских, товарищеских и партнерских взаимоотношений определяют постижение смысла. Мнение Иванова-Разумника о том, что единственно правомерно использование интуитивно-творческого метода в философии оспаривается. Смысл жизни укрыт не в природе человека или общества, а в их взаимосвязи. Это раскрывает смерть и жестокость как необходимые условия сбалансирования и оптимизации данной взаимосвязи.

Ключевые слова: педагогика, жизнь, смысл, энтропия, жестокость, свобода, энергия, система, частица, смерть.

Тема, исследуемая в данной работе, вероятно, является одной из тех, начало которой трудно проследить в истории философии. Смысл жизни как предмет исследования чрезвычайно гибок для своего проявления, и существует множество вариантов, намёков и косвенных соображений, относящихся к этой теме в трудах многих философов. Сам труд и деятельность этих исследователей независимо от темы являются, в некоей мере, раскрытием вопроса о смысле жизни. Осознание чего-то целесообразным для себя лично или для окружающего мира является абсолютно приемлемым не только для мыслителей, но также и для действующего в любой области человека, если его деятельность хоть в малой мере не ограничена необходимостью. В случае если человек ставит цель, а не она «ставится», можно утверждать о причастности его к решению вопроса о смысле жизни.

Это сильно подчёркивает актуальность развития данной темы сейчас и аналогичную, хотя возможно и в иной степени интенсивную, динамику развития в наиболее древние времена, в период античности, если всё же ограничиваться областью полноценно выделившей себя философии. Первыми наиболее очевидными признаками начала работы над «смыслом», пока ещё в слабо очерченных границах, является, как мы уже отмечали, постановка цели. Это замечание относит нас к V в. до нашей эры, к размышлениям софистов, Платона, Сократа, которые пришли к этому естественным образом, направив свои размышления к Человеку и человеческому. У софистов, как это отмечал Гегель,

целью являлось «удовольствие, тщеславие, слава, честь, особенная субъективность»¹. Сократ стал, как известно, основоположником майевтики; в совершенстве овладел искусством добычи истины, с помощью «искусства спрашивать». Проявление истины и овладение истиной было выделено Сократом, несомненно, как цель человеческой жизни. Позднее это обозначит и Платон в своём произведении «Федон». От имени Сократа он напишет: «И вот ради всего этого, Симмий, мы должны употребить все усилия, чтобы приобщиться, пока мы живы, к добродетели и разуму, ибо прекрасна награда и надежда велика!»².

Не опускаясь в большие подробности, как факт отметим, что плеяда Милетских философов, Элейская школа, Гераклит и прочие философы, более древние, предметом своих научных изысканий избирали субстанцию, желали найти «первовещества». Поэтому они более отдалены от представленной темы. Но всё же не полностью. В этом контексте нельзя опустить и слова Ницше, коснувшиеся без исключения всех философов, и которые подтверждают вышеприведённое замечание о том, что деятельность, если она не является необходимостью, есть образ решения вопроса о смысле жизни. «Мало-помалу для меня выяснилось, чем была до сих пор всякая великая философия: как раз самоисповедью её творца, чем-то вроде *memoires*, написанных им

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб: Наука, 1994. 423 с.

² Платон. Избранные диалоги / пер. С.П. Маркиш. М.: Художественная литература, 1965. 442 с.

помимо воли и незаметно для самого себя; равным образом для меня выяснилось, что нравственные (или безнравственные) цели составляют в каждой философии подлинное зерно, из которого каждый раз вырастает целое растение»³. Это показывает, что тема смысла жизни, имеет крайне неопределённые границы, постоянную динамику и во многом пред-рассудочный характер.

Но, несмотря на это, охарактеризовать историю развития вопроса смысла жизни можно его уровнем конкретности, общим отношением к человеку в различные эпохи, масштабом, в котором производятся суждения, оценка суждений и проч. Так очевидным является различие в подходах к этому вопросу, скажем, Сократа, который уверенно использует, знания (на сколько они таковыми могут быть) о загробной жизни и не противится воле богов, Тита Лукреция Кара⁴, который противится произволу высших существ, Фридриха Ницше, рассматривающего религию как произвольный обман и плутовство слабых, и Фёдора Сологуба, который рассматривает само существование бога как вопрос в связи со смыслом жизни. Кроме материала, который используют философы при решении исследуемого вопроса и к которому можно отнести и их собственные пред-рассудки, субъективные отношения к положению вещей, уровень духовного развития общества и т.п. интерес представляют и методы, которые каждый мыслитель допускает к использованию, ибо они являются частью его собственной философии, а значит, содержат информацию о решениях ставящихся вопросов.

Также важной особенностью вопроса является его практическое значение для жизни человека и человечества. Так как из тех многих философских вопросов, на которые простой человек должен отвечать себе в течение жизни, пусть в сильно упрощённой форме, вопрос о смысле жизни является первоочередным. Так как в определённом понимании приведённой цитаты из Ницше и вопросы о все-детерминированности, и главенстве рационализма над эмпиризмом, и доказательстве существования бога — всё это продукты целенаправленной деятельности.

Такого рода диффузность исследуемой темы направляет работу определённым способом. Учитывая

неопределённость в том, что предпочтительнее в таком исследовании: объективизм или субъективизм, вероятно, следует ограничиться объективным разбором именно материалов и методов, используемых при работе в этой области.

Для создания структуры и последовательности при таком подходе воспользуемся конкретным трудом в данной сфере, книгой Иванова-Разумника «О смысле жизни», в которой автор проводит критический обзор и сравнительный анализ, работающих над темой смысла жизни, трёх других писателей Фёдора Сологуба, Леонида Андреева и Льва Шестова. Данный труд (2-е изд.) был напечатан в 1910 г., автор раскрывает тему с помощью творчества Достоевского, конкретнее, вооружившись рядом вопросов, поставленных Иваном Карамазовым в произведении вышеупомянутого автора.

1. Подходы к изучению вопроса

Первый аспект, на который обращает внимание Иванов-Разумник это именно подход и методы, которые приемлемо использовать при решении поставленного вопроса. Автор утверждает: вопрос смысла жизни является вопросом, на который должна дать ответ метафизика, а такие научные дисциплины как логика или этика должны оставаться в стороне. Они хоть и могут принять участие в решении задачи, но не должны брать на себя роль основы или, более того, охватывать собой весь процесс решения целиком. Как необходимое средство он выделяет творческую интуицию и художественную чуткость. Основанием для этого, по мнению философа, является то, что в обратном случае вопрос должен был бы быть уже закрыт по аналогии с огромным количеством законченных логических заключений, которыми пользуется мир сегодня, и что должна была бы быть создана религия, теория или мировоззрение, дающая общеобязательное решение вопроса о смысле жизни.

Такое скорое суждение автора указывает, вероятно, лишь на искажённое понимание завершенности доказательств и умозаключений в научной среде. Действительно, не вызывает сомнений то, что рассуждения о смысле жизни далеки от завершения, и невозможно сказать даже, на сколько философия продвинулась в этом отношении за множество веков. Однако можем ли мы сказать, что какая либо научная дисциплина имеет до конца решённый вопрос в теоретическом плане, настолько завершённый, чтобы с легкостью отличиться от философии. Разумеется — нет. Любая научная дисциплина имеет

³ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего / пер. с нем. Н. Полилова М.: Академический проект, 2007. 398 с. С. 21.

⁴ Тит Лукреций Кар. О природе вещей / Пер. Ф.А. Петровский. М.: Художественная литература, 1983. 384 с.

видимую завершённость в своих теориях и лишь с практической точки зрения. В теоретическом плане она всегда незавершена. Таким признанием сотрудник Корнеллского университета Карл Саган заканчивает предисловие к научно-популярному труду Стивена Хокинга «Краткая история времени»: «Вы найдёте в ней истинные откровения о границах физики, астрономии, космологии и ... безграничности мужества»⁵.

Современные точные науки, закрепившие за собой логические суждения как хорошо отточенный инструмент познания, открыто и «с мужеством» говорят о своей глубокой гипотетичности там, где их теории продолжают без практического подтверждения, то есть остаются гипотезами. Однако чем же отличается в этом конкретном сравнении философия со своими вопросами и задачами? Возможно, она и не отличается, ведь проследив цепь рассуждений легко заметить, что обрывается она лишь в том месте, где её практическая привязанность терпит крах. То есть, то грандиозное различие, проводимое между философией и прочими науками, во многом создаётся из различий в объёме и трудностях соотношений выводов с реальностью. Собственно сам Иванов-Разумник пишет об этом «здесь область взаимодействия спекулятивной мысли и художественного созидания»⁶. Но нет ничего, что указало бы на необходимость отдать метафизике первоочередную роль или оказать пренебрежение логике.

Ещё одним важным пунктом при оценке логики как метода является «теорема о неполноте» австрийского математика Гёделя Курта, опубликованная в 1931 г.⁷ В ней учёный раскрывает, что теорема, претендующая на то чтобы быть доказанной, должна руководствоваться «эффективной аксиомой», собственно говоря, непротиворечивым допущением. Если переносить этот вывод в область актуальной деятельности, то это говорит о необходимости существования тех основ, которые ищет метафизика. То есть так логика выступает эффективным направляющим средством для поиска философских «аксиом». Следует, однако, задаться вопросом: имеет ли логика какие-либо преимущества перед интуитивно творческой деятельностью вы-

деляемой Ивановом-Разумником? Наиболее часто выделяемое преимущество — это конкретность и точность, которые можно сравнить с «холодностью», но эти качества незначительны, если логические операции применять к вещам, имеющим сильную субъективную окраску. Однако, проявив волю и находчивость, философ может работать логически, выделив заранее наиболее абстрактные и эмоционально «пустые» категории, и в этом интуитивно-творческий подход уступает логике.

Тем не менее, при работе с субъективно окрашенными вещами интуитивно-творческий подход превосходит логику, ибо с его помощью человек незаметно для себя самого избегнет все те пункты, в которых он мог погрузиться в предрассудки. Это различие чётко выделит автор во второй части своего произведения при сравнении двух героев творчества Леонида Андреева: Сергея Николаевича и Маруси. Сергей Николаевич является убеждённым сторонником использования логики и «холодных» абстракций. Настолько убеждённым, что далее философ называет его точку зрения «сверхчеловеческой»⁸. Такое впечатление у него сложилось именно из предубеждения отринуть логику как основу метафизических поисков. С одной стороны, часть истины здесь есть. Такое слепое следование логике не является классически и подавляюще человеческим, и во много надо отдать должное мыслителям направления иррационализма, осудивших это мнение.

Так же оторванность от человеческих чувств и переживаний у абстракций, необходимых для наиболее точной логической деятельности, делает философию Сергея Николаевича действительно в чём-то сверхчеловеческой. Однако ни логика, ни бесчувственные абстракции не чужды человеку в полной мере, ибо все они есть продукт его, человеческой, деятельности, а в некоторой степени и интуитивно-творческой деятельности. Здесь видно непростое хитросплетение логики и интуитивно-творческой деятельности как двух типов деятельности, поддерживающих друг друга и порождающих друг друга. В целом, предубеждённое отношение автора к логике вынудило его дать не вполне справедливую оценку позиции Сергея Николаевича в творчестве Л. Андреева.

Бесчувственность Сергея Николаевича так же не следует относить к очевидному, т.к. чувства могут ещё не иметь своего выражения, ибо, по существу,

⁵ Хокинг С. Краткая история Вселенной / пер. с англ. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2010. 503 с. С. 14.

⁶ Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. 2-ое изд. СПб., 1910. С. 4.

⁷ Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.

⁸ Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. 2-ое изд. СПб., 1910. С. 131.

ещё слишком мало конкретного в позиции этого мыслителя, он слишком широко мыслит, что бы его чувства были так легко объективированы как у Маруси, но и у них есть возможность быть сильными и относиться в последствии к человеку. Это признаёт и сам автор, цитируя диалог Маруси с отцом: «...Я его не знаю, но я люблю его, как друга, как товарища»⁹, однако воспринимает эти слова как признание в симпатии к «некому в сером». А нам известно, что позиция Сергея Николаевича, возможно, ещё очень далека от такого завершения. Проблема в том, что это только сверхчеловечески смелая позиция, и в этом отношении Иванов-Разумник делает абсолютно справедливое замечание. Возможно, он даже интуитивно чувствует в этой сверхчеловеческой храбрости некую связь с «позитивной теорией прогресса», которую он описывает вначале своей книги. Намёк на это возможно содержится в строках: «...всё содержание которого лежит как-раз в области тех суетных забот, к которым так равнодушен Сергей Николаевич...». Одним же из основных аргументов против позитивной теории прогресса автор представляет именно безразличие в оценке «суетных забот» и постоянное ссылание на судьбу будущего. Далее же он цитирует слова Булгакова, которые безоговорочно показывают нам негативное отношение писателя к абстракции и аналогию теории Андреевского персонажа с теорией позитивного прогресса. «Мы как испуганные дети, прячемся друг за друга; логическую абстракцию хотим выдать за высшее существо»¹⁰. Разница между позитивной теорией прогресса и теорией Сергея Николаевича лишь в том, что позитивная теория прогресса более конкретно направлена к человеку и её абстракцией является человечество, когда позиция Сергея Николаевича далека и от этого и, несомненно, поэтому вызывает у Иванова-Разумника ещё большую критику.

Вместе с тем некоторую холодность и расчётливость автор желает увидеть и в результатах интуитивно-творческой деятельности. Это его заставляет говорить о чувствах Маруси, в их крайнем проявлении, как о «слишком человеческих»¹¹. То есть, то разделение между интуицией и логикой, которое мы отметили в начале, определив их преимущества, по мнению автора не должно соблюдаться чётко, и он всё же чувствует и допускает необходимость обоих способов ответа на вопрос о смысле жизни.

2. Проблема смысла жизни и её качественные особенности

Условия постановки вопроса

Далее необходимо затронуть тему анализа понятий человека и человечества в вопросе смысла жизни, но для этого необходимо сделать некоторое отступление к структуре и свойствам самого вопроса. В ведении данной работы было отмечено, что наличие свободной деятельности является неотъемлемым признаком существования смысла жизни как вопроса. Однако тогда мы не отметили, что сам этот вопрос так же относится к категории свободной деятельности, не обозначенной необходимостью в плане выживания, хотя и это будет позднее поставлено под вопрос. То есть наличие этого вопроса, выражает для нас наличие определённого количества свободной воли, или свободной энергии, не включённой ни в какой обязательный процесс. Здесь нет необходимости опускаться до такого детального анализа, которому свободную волю подверг Ф. Ницше, рассматривая её как совокупность волей хотящего, запрещающего, приказывающего и повинующегося¹², ибо мы работаем уже с результатом этой совокупности — поставленным вопросом. И в данном случае было важно показать, что один из компонентов нарушил общий баланс и увлёк за собой, таким образом, весь энергетический потенциал которым обладали компоненты воли в целом. Нарушение баланса — точка нашего дальнейшего развития мысли.

Свободная воля и развитие

Нарушение баланса и наличие свободной энергии сами по себе взаимосвязаны. Энтропия — термин, используемый в концепциях современного естествознания, выражает уровень беспорядочности положения и движения энергии в пространстве-времени и, соответственно, будет иметь отношения и к человеческим действиям в том числе. В открытой системе существование баланса обуславливается тем, что уровень энтропии в ней поддерживается на нулевом уровне. Такая система характеризуется неподвижностью в общем смысле, если в ней все движения упорядочены, то они, соответственно, представляют из себя некоторую замкнутую цепь, дефекты которой преодолеваются специальным внешним воздействием. Результатом

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего / пер. с нем. Н. Полилова. М.: Академический проект, 2007. 398 с. С. 21.

является отсутствие развития в такой системе. Чтобы развитие существовало в системе (не имеет существенного различия: открытой или закрытой) необходимо наличие некоторого количества свободной энергии или некоторого уровня энтропии. Мы же отмечали, что наличие вопроса о смысле жизни говорит о существовании некоторого количества свободной энергии, некоторого уровня энтропии.

Таким образом, понятие развития должно быть привязано к решению вопроса о смысле жизни. Более того, оно может иметь связь с уровнем энтропии, скажем, во всей вселенной. И здесь проявится обратная зависимость, говорящая о вероятности *наличия* смысла жизни, исходя из уровня энтропии. Если мы признаем уровень энтропии минимальным, то есть: сочтём упорядоченность системы за 100%, мы соответственно признаем отсутствие воли, развития (кроме как предписанного) и смысла жизни, проявляющего под воздействием воли. В принципе, можно предположить возможность создания пропорциональной зависимости между уровнем энтропии и вероятностью того, что смысл жизни будет найден.

Здесь так же следует отметить, что последнее предположение (о 100% упорядоченности) гипотетически возможно, не смотря на сильнейшие противоречия с физическими законами. В соответствии со вторым законом термодинамики энтропия может со временем только увеличиваться, это определяет, как верно отметил Стивен Хокинг, и психологическое восприятие времени. Однако, хоть и с малыми основаниями, можно высказать предположение о том, что человечество познало вселенную лишь в незначительном масштабе, и предлагаемые сегодня модели являются все же лишь моделями её части. И в случае рассмотрения гораздо больших масштабов или предположения неких невоспринимаемых нами параллельных существований, возрастание энтропии является только частью упорядоченно и схематично действующей системы гораздо большего масштаба.

Вероятность такого до смешного мала, однако, работая в сфере физических явлений, правомерна. (Например, по расчетам Стивена Хокинга вероятность перемещения макроскопического объекта, например, человека обратно во времени меньше чем $1/10$ с пятью триллионами нулей)¹³.

¹³ Хокинг С., Торн К., Новиков И., Феррис Т., Лайтман А., Прайс Р. Будущее пространства-времени / пер. с англ. М. Варламова. СПб: Амфора, ТИД Амфора, 2009. 254 с. С. 120.

Однако все эти астрономические теории и расчеты должны быть связаны с выдвинутой темой анализа понятий человека и человечества. В связи с этим, далее необходимо понять: в каком смысле свободной волей обладает человечество и как это может повлиять на понятия целей и смысла в нашем вопросе.

Человек и человечество в понятиях развития и цели

То, что человек ставит себе цель, является событием достаточно прозаичным. Но в истории примером того, что бы цель себе поставило человечество или народ, может быть только такое событие как война. Те проблемы, которые рассматриваются как общечеловеческие: проблема экологии, мировой экономики, истощения ресурсного запаса планеты и т.п. не захватывают человечество в таком масштабе как война. Причина этому опять же в количестве свободной энергии и уровне энтропии. Но особенностью такого рассмотрения является то, что система человеческих взаимоотношений является закрытой по отношению к уровню энтропии во вселенной и её процессам. Единая целенаправленность действий является в свою очередь своеобразным примером баланса и упорядоченности, но для создания её (упорядоченности) человечество вынужденно тратить именно ту энергию, которая должна была бы служить в последствие достижению цели человечества. В этом и есть существенное отличие от человека, который обладая некоторым количеством энергии, на постановку цели тратит от неё лишь малую часть.

Война — то событие, которое освобождает в человеке достаточно много энергии, что бы упорядочить действия целого народа, но ради этого народ оставляет почти всё, кроме того, что необходимо для ведения войны. В ином случае народ продолжил бы тратить слишком много энергии на «соорганизацию» нескольких видов деятельности и не смог бы организовать общую деятельность. С этого пункта можно, наконец, понять истинное происхождение позитивной теории прогресса. Та теория представляет собой вид деятельности целого человечества, направленный на достижение целей и ценностей гуманизма, за вычетом тех условий распределения свободной энергии, которые мы обозначили.

Очевидным является предположение, что позитивная теория прогресса была реакцией на переживание каких либо военных действий, где единая целенаправленность, стремление к лучшему, отторжение всякой жестокости и ожидание

результата после многочисленных страданий, философы попытались адаптировать к мирному существованию т.к. все войны создавали видимость некоторого результата для народа прошедшего её. Но для любого участника результат не оправдывал эту войну.

Итак, мы провели сравнение человека и человечества на уровне тех способов, которыми он может распределить свою свободную энергию, но не разобрали соответствующее ей развитие. Это особенно важно, ибо развитие целенаправленное и бесцельное развитие, или корректнее выразиться, спонтанное развитие, как процессы протекают совершенно по-разному. В физическом и психическом отношениях человек принадлежит к группе прокациалов¹⁴. Это те живые организмы, которые рождаются беспомощными существами, не способными к самостоятельному выживанию и имеют достаточно долгий, в сопоставлении с длиной всей жизни, период детства. Их развитие до того момента, когда они становятся полноценными представителями своего вида, протекает под постоянным воздействием внешних и внутренних факторов, что придаёт их развитию гибкость и большую способность к адаптации. Но здесь говорится о физическом и психическом развитии, более даже психическом.

Безусловно, мы можем отнести человека к прокациалам, однако можем ли мы отнести к ним человечество? Социальное развитие человечества более похоже на развитие группы существ альтрициалов. Они рождаются уже дееспособными и самостоятельными, но для изменения своего вида должно погибнуть огромное количество особей, сталкивающихся с типичными трудностями, пока, наконец, нужно преобразование не будет закреплено в генотипе. Проследивая историю общества и анализируя, например, темп смен экономических формаций по Марксу, циклов совершенствования идеального духа по Гегелю или иных этапов эволюции философской мысли в её различные формы, можно безоговорочно заключить: развитие человечества в социальном аспекте — а именно он интересует нас более в вопросе смысла жизни — происходит по альтрициальному примеру. Так мы приходим к несколько феноменальному выводу, что человек содержит в себе два типа развития: прокациальный как индивид и альтрициальный как член общества.

После этого необходимо вернуться к творчеству Иванова-Разумника и произвести соответствующие выводы. Мы установили, что постановка вопроса о смысле жизни, решение это вопроса и развитие есть три взаимосвязанных компонента, из чего следует, что различное выражение развития соответствует различным решениям вопроса о смысле жизни, и нельзя отдать предпочтение исходя из предрассудка. Между тем автор труда «О смысле жизни» совершает ошибку, используя предположение о том, что «оно (общество) представляет просто большое неопределённое количество людей»¹⁵. Но предшествующим изложением мы не только показали, что общество это не просто совокупность, а ещё и показали прямое отношение к вопросу о смысле жизни этого отличия.

Что есть решение смысла жизни с позиции человечества предположить трудно, здесь должно будет сыграть доминирующую роль различие между целенаправленным развитием, присущим индивиду и развитием спонтанным, свойственным обществу. И нужно добавить ещё одну гипотезу о существовании определённого количества свободной энергии, достаточного для установления конкретного целенаправленного развития общества, но которым человечество распоряжается бессознательно. Так же бессознательно как происходит для нас и реализация этой цели. Это предположение всё ещё будет относиться к вопросу о смысле жизни т.к. мы избежим состояния полной упорядоченности.

Подводя итог, явно, что позитивная теория прогресса, предлагающая человечество как источник и обладателя смысла, не есть отсылание «от Понтия к Пилату»¹⁶ по выражению критика. Не смотря на то, что мы предположили определённо не философское происхождение смысла позитивной теории деятельности, уличив её в узости или чрезмерной конкретности, её попытка использовать человечество вместо человека вполне логична и осмыслена.

После выводов, которые мы употребили для анализа творчества Иванова-Разумника, необходимо объективно посмотреть к каким ещё довольно затруднительным выводам пришли наши рассуждения. До данного момента больший интерес нам представлял процесс использования свободной энергии в обществе. Теперь необходимо осознать к чему приводит этот процесс у конкретного человека.

¹⁴ Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. М.: Университетская книга, ПЕР СЭ, 2001. 160 с.

¹⁵ Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. 2-ое изд. СПб., 1910. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 11.

Предположим, что индивид, обладая свободной энергией, поддерживая необходимы для действий и развития уровень энтропии, устанавливает для себя некоторую цель и устремляется к ней, тогда его действия становятся упорядоченными и многочисленными по отношению к этой цели, соответствующим образом уровень энтропии будет падать вместе с чёткостью осознания и удержания цели. При конечном же достижении необходимость удержания цели, упорядочивания действий и сами действия пропадают, и человек снова приобретает тот энергетический потенциал, которым обладал изначально. Но сейчас мы изобразили достаточно простой и очевидный для многих процесс достижения и смены цели, с той лишь разницей, что пользовались понятиями энтропии, энергии и, наверное, подразумевая развитие. Однако во введении было обозначено, что цель есть упрощённый вариант смысла. Цель в отличие от смысла может постоянно преобразоваться или изменяться. Смысл остаётся постоянным, и к нему не применимо выражение «достичь», его можно только постичь, и после такого «постижения» он не исчезнет и не преобразуется. Вследствие этого он не забирает полностью наш свободный энергетический потенциал, но постоянно стремиться к этому. Так же забранная им энергия не будет возвращена, кроме как в случае отказа от него. Последним качеством этого процесса является то, что всё больше приближаясь к постижению смысла, у нас остаётся всё меньше свободной энергии, но всё же она остаётся и направляется она именно на то, чтобы завершить процесс. Но чем меньше в нашем распоряжении такой энергии, тем меньше вероятности того, что мы продолжим приближаться к постижению. Так мы близки к тому, что бы определить поиск смысла жизни как бесконечный процесс, проявляющий всё большие сложности при близости к его решению.

Это временное заключение, указывает нам на то, поиск смысла жизни, вероятно, не имеет своего основания ни в обществе, ни в конкретном человеке, а соответственно и не связан с развитием так же конкретно. Основа — некий симбиоз этих двух понятий.

Рассуждения о свободных энергиях завели нас, в каком-то смысле, в тупик, заставивший нас подойти к анализу с данной стороны, и здесь у нас есть возможность провести его относительно понятия баланса, а не энергии. Однако, почему же мы не пытаемся таким же образом подойти к человеку? Исходя из тех соображений, что баланс

необходимо не только достичь, но и удерживать хотя бы в течение некоторого периода, возвращаясь к нему; наиболее вероятно, что человечество к этому более приспособлено, ибо в обществе люди взаимодействуют как система (хоть и во много неустойчивая), это убеждает нас в действии саморегуляции и самоорганизации, которые свойственны любой системе.

Говоря о том, что человечество сможет удерживать состояние баланса некоторое время, мы должны объяснить, почему к этому способна такая *закрытая* в социальном плане система как человечество. Как уровень энтропии поддерживается на минимальном уровне? Здесь предполагается, что человечество имеет внутри собственной системы, разделение на две (или гораздо большее количество) подсистем, которые существуют друг для друга как открытые, и в них упорядоченная энергия одной подсистемы затрачивается на упорядочивание части хаотичной энергии другой подсистемы. В случае такого активного взаимодействия огромного количества подсистем, общечеловеческий, существенный уровень энтропии оказывается как бы распределённым и рассеянным до мельчайших объёмов, между взаимоорганизующимися элементами системы. Эти объёмы упорядочиваются, используются, для упорядочивания, возникают при упорядочивании и т.п. Создаётся видимость и ощущение того, что энтропии *нет*. Ибо если, пользуясь моделью, между 2 частицами беспорядка возникает значительно меньше, чем между 10 частицами в одной системе, хотя их мы составим из пяти пар с малой энтропией. По такому принципу может быть достигнут баланс в обществе, и он откроет новые возможности.

Что же подразумевалось под, собственно, балансом? Только установление социальных связей. Крепких и устойчивых социальных отношений и их максимально долгое сохранение. Формирование, создание и воссоздание любви, дружбы, партнерства и иного, связывающего между собой людей. Такие «системы» из, условно говоря, двух людей способны поддержать друг друга в состоянии баланса и другие «парные системы». Таким образом, значительная «энтропия воли» присущая одному человеку, сменится более высокой упорядоченностью пары. В данном контексте объясняется и причина того, что мы не рассматриваем существование одиночных людей как подсистем способствующих регулированию целого: у них недостаточно упорядоченной энергии. Хотя надо заметить, что их, по возможности, отшельническое существование вообще не возымеет

эффекта. Они не примут участие в организации и не примут участия в наращивании энтропии. И только такое существование можно назвать «совокупностью отдельных людей» в соответствии с мыслью автора.

Таким образом, установление тесных и крепких связей является для человека определённой целью, а на определённом этапе и смыслом его жизни, ибо это необходимо для установления того смысла, который, как мы предположили, кроется в сущности «симбиоза» человека и общества.

3. Проблема смерти в решении вопроса о смысле жизни

Роль смерти в решении вопроса о смысле жизни

Теперь мы готовы ответить ещё на несколько вопросов, поставленных уже авторами, чьё творчество подверглось анализу в книге «О смысле жизни». Первым таким вопросом будет вопрос о смерти, о непонимании её необходимости и тех затруднениях, которые испытывает Л. Андреев, говоря о ней. Вместе с тем позиция Федора Сологуба также будет затронута и оценена как «одноимённая». Оба автора рассматривают проблему смерти в связи с человеком, но не человечеством. «Для него смерть, прерывающая нить жизни, является наиболее бессмысленным из всего в мире»¹⁷, — пишет Иванов-Разумник о творчестве Л. Андреева. Философ пишет о смерти как о чём-то несвоевременном и несправедливом. Однако мы уже подготовили ответ на это замечание. Он кроется в необходимой, по нашему мнению, социальной связи между двумя людьми.

Человеческое развитие является опорным пунктом и в отношении индивида и в отношении человечества. В такой связи смерть человека поддерживает существование связанных между собой людей в определённом возрастном промежутке, надо полагать, таком в котором гибкость человеческого существования, то есть *развития*, ещё достаточна для сохранения активной позиции взаимодействующих людей в отношении друг друга и в отношении общества. Смерти с такой точки зрения является своего образа механизм, следящим за поддержанием в системе активной самоорганизации и развития. Ибо энтропия и хаос не были исключены из системы, и необходимо тщательно проследить их уровень. Также смерть не только

оставляет динамичных и «гибких» в своём развитии людей, но и создаёт необходимость для этой гибкости, ибо для индивида любой момент может стать моментом распада социальной связи и стимулом к быстрому приспособлению благодаря смерти. Такое же значение, вероятно, имеют и те врождённые человеческие качества, которые согласно общественному мнению подрывают социальные отношения: агрессия, эгоизм и т.п.

Однако, опираясь на вышеприведённые выводы, смерть имеет не только такое сугубо материально-биологическое значение. В ней заключается в определённой мере духовная ценность, но предназначенная не для конкретно умирающего человека, а для любого рождающегося. Ибо поиск смысла жизни — вопрос, который каждый человек ставит для себя сам и та степень хаоса и свободы, порождаемая в системе смертью людей, сохраняет за человеком *право и возможность* поставить или не поставить этот вопрос, она сохраняет за человеком свободную волю в отношении всей системы. *Смерть нужна, чтобы каждый рождённый человек остался человеком.* Так известная несправедливость в отношении одного человека становится высшей справедливостью в отношении человечества. Возможно, здесь есть возможность выявить предполагаемый «симбиоз» человека и человечества.

Теперь становится очевидным, что Ф. Сологуб пытался использовать смерть как некий инструмент; вместо того, чтобы сделать попытку осознать её объективное значение он пытается использовать её в субъективных целях, ибо абсолютно очевидно то, что мещанину мещанство, которое так ужасает Ф. Сологуба, не приносит каких либо философских затруднений.

И раз уж были затронуты такие понятия, как асоциальные человеческие качества и мещанство, так активно обсуждаемые всеми тремя авторами, на протяжении всей книги, было бы целесообразно предложить ещё одну гипотезу, объясняющую такое положение вещей.

До этого момента мы рассматривали человечество как систему или как совокупность взаимодействующих подсистем, но по умолчанию признавая единообразие людей составляющих эту общность. То есть, признавая за каждым индивидуальные особенности, мы не пытались классифицировать их так, как если бы определённая их особенность, имеющая отношение к предъявленным проблемам, была бы не результатом индивидуального развития, а вариантом «видовой» особенности от рождения или при последующем развитии. Такое разделение

¹⁷ Там же. С. 89.

было в свое время, например, проведено Эрихом Фроммом, который обнаружил, что в любом человеке существует два типа склонностей: к добру и к злу. Которые позже закрепятся в терминах биофилии и некрофилии, которые хотя и не исключают одна другую, но доминируют одна над другой и это определяет тип человеческих склонностей. Это различие Э. Фромм выводит из двух тенденций: регрессу к нечеловеческой форме существования и попытке завершения эволюции и завершению формирования человеческого типа¹⁸. Но мы не будем углубляться в попытку перенести нами предложенную модель развития на такого рода дифференцировку общества. Т.к. к этому нет необходимости, а результат такого исследования может оказаться не существенным в контексте данной работы. Однако в теории Э. Фромма существует ещё одно замечание о незавершённости развития человеческого вида, которое нам пригодится для дальнейшей аргументации излагаемой позиции.

В теории развиваемой нами до этого момента, всё ещё содержится множество аспектов, обсуждение которых было произведено Ивановом-Разумником и авторами, чьи произведения он подвергает критической оценке. Все они единодушно приверженцы того мнения, что момент апеллирования к будущему в вопросе смысла жизни есть одна из роковых ошибок. В частности ошибка позитивной теории прогресса и ошибка любой «сверхчеловеческой» теории. Является ли оформленная выше гипотеза одной из таких ошибочных теорий относящих смысл жизни в неизвестное будущее. В некоторой степени — да, в некоторой степени — нет.

Несомненно, момент развития предполагает то, что результат будет находиться хоть в малой степени, но в отдалённом будущем. Но это замечание верно только при условии, если индикатором результата и свершения мы считаем событие, например создание некоего «царства небесного» на земле. Так была построена позитивная теория прогресса. Но в нашей модели предполагается, что сам процесс развития является, своего рода, достижением и пока человек находится в этом процессе, он способен и постоянно достигать. Причём здесь безразличен момент человеческой жизни, та эпоха и место где он существует, ибо мы обозначали, что баланс в обществе, поддерживаемый таким развитием, является видимым, с количественной точки зрения относительно свободной энергии. То есть в

субъективном плане человек может приближаться к завершению смысла жизни ровно в меру своих амбиций и усилий, когда с объективной точки зрения, каждый человек имеет одинаковые, условно говоря, стартовые возможности. Смысл жизни, возможность его достижения и возможность ощущения реальной близости к нему, таким образом, имеются в равной мере у каждого поколения.

И из этого следует, что хотя объективный смысл жизни остаётся не познанным, любому человеку предоставляется равная возможность стремиться к нему в субъективном плане и удовлетвориться достижениями. Объективный смысл остаётся скрыт за значением «симбиоза» человека и человечества, чью объективную сущность мы познали для каждого конкретного человека, но не для человека в смысле представителя своего вида. Возможно, постоянное развитие в намеченном смысле приведёт к тому, что определённые изменения отложатся у человека в его социальном «генотипе» и это станет новой точкой начала анализа смысла жизни. Здесь, собственно, для нас снова нет оснований, чтобы уличить в несправедливом отсылании в будущее, ибо с того момента, мы будем говорить о другом человеке. Этой позиции соответствуют как раз умо-заключения Э. Фромма о незавершённости развития человека как вида.

Впрочем, у такой точки зрения было достаточно много сторонников, в частности Ф. Ницше пишет о человеке как о «неустановившемся животном»¹⁹ и наиболее конкретно развивает эту мысль в своём труде «Так говорил Заратустра». Человек, по его мнению, лишь то, что должно превзойти, и всякой трудности и опасности необходимо радоваться как приближающему к этому стимулу. Встречать её со смехом и весельем. Каждый же человек дорог другому, по его словам, в той мере, в которой он заставит его развиваться и преобразаться. «Лишь кто меняется — тот родствен мне душой»²⁰, — завершает философ свой труд «По ту сторону добра и зла». Из этих слов, впрочем, просматривается довольно явная аналогия с нашим предположением о том, что смерть и негативные (в социальном плане) качества являются необходимым компонентом для справедливого отношения к смыслу жизни, его достижению и восприятию каждого конкретного человека.

¹⁹ Гуревич П.С. Психология: учебное пособие. М.: Старик Ватулин, 2005. 720 с. С. 67.

²⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего / пер. с нем. Н. Полилова. М.: Академический проект, 2007. 398 с. С. 224.

¹⁸ Фромм Э. Душа человека. Её способность к добру и злу. М.: Республика, 1992. 430 с.

Довольно значимым было бы здесь проведение аналогии между нашей теорией и тем, как Зигмунд Фрейд объясняет природу происхождения человеческих влечений в своём труде «По ту сторону принципа удовольствия». Психоаналитик считает, что в любом существе, в том числе и человеческом, существует тенденция к возвращению и охранению прежнего состояния.²¹ Мы не будем рассматривать множество предположений и выводов, сделанных З. Фрейдом, но отметим, что инертность существования и её сохранение есть не что иное, как сохранение баланса. И аналогичным образом он доказывает, что именно эта тенденция, как это не парадоксально приводит к развитию, ибо инертное существование предполагает за собой не только безучастность к окружающим событиям, но и *борьбу* за свою инертность с окружающими воздействиями. Эта теория З. Фрейда является в некотором понимании узлом связи поиска смысла жизни, незавершённости развития и значением баланса. Так же возможным для аналогии моментом в его теории является объяснение взаимного влечения людей друг к другу, которое он делает исходя из тех же первоначальных предположений, из которых мы также провели аналогию. Хотя, необходимо помнить, что эти наиболее фундаментальные положения он впоследствии употребил для развития теории имеющей весьма призрачное сходство или смысловую связь с нашей гипотезой.

Жестокость и случайность в проблеме вопроса о смысле жизни

Теперь же перед тем как подводить итоги, имеется ещё один наиболее важный и доставляющий наибольшее количество противоречий аспект. Это вопрос жестокой случайности и беспристрастной суровости человеческой жизни. И хотя этот вопрос в течение поиска смысла жизни представлял для всех, изучаемых в труде Иванова-Разумника, авторов наибольшую проблему. Непонимание того зачем «травить беззащитное дитя собаками» или «проблемы падающего на голову кирпича» заставило отказаться Шестова от попытки объяснить смысл жизни трагедией необходимой одному человеку, заставило Сологуба бежать «от безобразной бабищи-жизни», а Андрева трястись в страхе смерти. И тем не мене вы-

разить эту проблему удаётся в двух положениях, которые остались недоступны этим авторам, ибо они, как и анализирующий их творчество философ, отказались от сильной роли логики в своём творчестве и отдались интуиции, приведшей их к субъективному пониманию всех этих «феноменов». Однако наша гипотеза выстроена логически и более того, мы сделали попытку осмыслить жизнь человека и человечества с помощью таких категорий, которые делают человека совершенно *безликим*. Человек в наших рассуждениях ни ребёнок, ни взрослый, ни старик, ни калека, ни беременная женщина и уже, пройдя мимо всех этих различий, мы пришли к тем выводам, что изложены выше. Ибо каждый из перечисленных имеет абсолютно одинаковое значение для тех условий, для той справедливости, для тех возможностей, которые были выделены. Здесь есть некоторый отголосок предложенной Ницше и взятой на вооружение Шестовым формулы: *amor fati*. Однако в книге Иванова-Разумника она описывается как суждение, взятое на вооружение, исходя из осознания амбивалентности смысла добра и зла. И надо сказать, что этой формуле была придана до странности эмоциональная окраска, будто любовь, фигурирующая в этой формуле, имеет настоящее чувственное значение, а не стиль философского взгляда, оставляющий за человеком право ненавидеть и сопротивляться. Но всё же это только отголосок, и мы опять прерываем рассуждение.

Второе положение имеет некое сходство с первым, ибо относится к оценке значимости человека. Это положение о происхождении человека и о том, какие предрассудки могут выдать то, какого предположения придерживается мыслитель. Не смотря на то, что происхождение человека имеет множество основательных предположений, в исследуемой книге мы встречаем лишь две достаточно пространно описанные позиции: теологического и пантеистического происхождения. Первая — происхождение человека путём вмешательства некоей высшей силы; второе — естественным эволюционным путём, исходя из условий существования некоего человеческого предка. Явная зависимость наблюдается в том, что сторонники первого пути происхождения проявляют себя в наиболее утончённой и высокой оценке человеческой жизни. Приписав ей особое происхождение, они приписывают так же и высокую цену, настолько высокую, насколько это позволяет им их преобладание субъективного мышления над объективным. В таком случае проблема жестокости представляет для

²¹ Фрейд З. Психика: структура и функционирование / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 230 с. С. 102.

философа действительно значительную проблему, разрешить которую логически, будет требовать гораздо большего мастерства, чем это бы потребовалось в противном случае.

Если человек считает, что происхождение его вида определено естественно-природными событиями, то всякое недоразумение, вероятно, будет устранено, ибо мир других животных обладает достаточной жестокостью и случайной и бессмысленной жестокостью в том числе. Разумеется, человеческая жестокость может проявляться в гораздо больших крайностях... впрочем, как и человеческая гуманность. То есть имеет решающее значение крайность, а не её качество. Убийства внутри вида, массовость убийств неизменно возвращают философов к казальному решению вопроса, который однако, систематически капитулирует перед вопросом о незавершенности человеческой природы. Это и позволяет отдалиться более объективному рассмотрению бессмысленности и жестокости.

В отношении же сторонников теологической мысли необходимо заметить, что там по умолчанию признается возможность существования нечто неземного, что оправдало бы ставящие их в тупик жестокости. Однако, как известно из неустанности их размышлений и философского труда, нет возможности этим воспользоваться. Это, вероятно, вытекает либо из философских, либо из моральных противоречий. И как результат находит прибежище в фразе: «возвращении богу билета на право прохода в рай».

* * *

Подводя итог всем вышеизложенным рассуждениям, можно заключить, что тема смысла человеческой жизни, несмотря на свою древность и многообразие своего проявления, остаётся достаточно туманной в плане путей её разрешения. Исследуемый вопрос по своей структуре создает множество трудностей для его систематического и планомерного рассмотрения. Преодоление же этих трудностей влечёт за собой всевозможные ошибки, заключающиеся в различных уходах к разного рода крайностям, которые, однако, являются благоприятным условием для создания стратегии и плана ответа на поставленный вопрос. Есть опасность отдалиться «проповеди», как это отмечает Иванов-Разумник, или метаться в панике и хаосе от одних положений к другим и возвращаться к первым, как

случалось с рассматриваемыми им авторами философских и художественных произведений о смысле жизни. Для умелого обращения с исследуемым вопросом, как мы выяснили, необходимо не иметь предубеждений не только в отношении используемого материала, но и в отношении методов и, условно говоря, стиля обращения с используемым материалом.

На примере произведения Иванова-Разумника «О смысле жизни» мы определили действительную значимость этих аспектов, сделали попытку самостоятельного ответа на ряд вопросов, связанных со смыслом жизни, опираясь на работы других философов и учёных, чьи работы совпадали в категориях исследования с нашей темой. Был проведен дальнейший анализ творчества Иванова-Разумника, где сформировался ряд замечаний о важности создания межличностных отношений разного рода в ходе осознания или устранения вопроса о смысле жизни. Среди прочего, наиболее важные выводы были сделаны об участии понятий развития и свободной воли, а также соотношении понятий человека и человечества. В завершении были рассмотрены наиболее проблемные с теоретической точки зрения аспекты человеческой жизни и установлена их зависимость от метода, стиля и подхода к решению вопроса. Сделанные выводы создают своеобразный повод для сомнений в точности исследований, ибо многие из них придают прямо противоположное значение тем наиболее проблемным аспектам, которые были выделены авторами, чьё творчество было проанализировано. Упомянутые трудности со сменой подхода к разбору вопроса становились необходимыми компонентами существования и успешного разрешения вопроса. Это свидетельствует о невероятной важности аккуратного и по возможности взаимодействующего использования различных путей решения вопроса. Важно так же обратить внимание на зависимость хода анализа от используемых категорий и подходов применённых к ним. Данная работа определяет то, что, имея различный исходный материал или «опорное» суждение, работы не должны критиковаться там, где взаимодействие не осуществляется, исходя из различий в категориях. Это стало причиной опущения некоторых аспектов, выделенных в используемой книге и создания того набора авторов, которые были проанализированы Ивановом-Разумником в его сочинении.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. 423 с.
2. Гуревич П.С. Психология: учебное пособие. М.: Старик Ватулинг, 2005. 720 с.
3. Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. 2-ое изд. СПб., 1910.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего / пер. с нем. Н. Полилова. М.: Академический проект, 2007. 398 с.
5. Платон. Избранные диалоги / пер. С.П. Маркиш. М.: Художественная литература, 1965. 442 с.
6. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. / пер. Ф.А. Петровский. М.: Художественная литература, 1983. 384 с.
7. Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.
8. Фрейд З. Психика: структура и функционирование / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 230 с.
9. Фромм Э. Душа человека. Её способность к добру и злу. М.: Республика, 1992. 430 с.
10. Хокинг С. Краткая история Вселенной / пер. с англ. СПб: Амфора, ТИД Амфора, 2010. 503 с.
11. Хокинг С., Торн К., Новиков И., Феррис Т., Лайтман А., Прайс Р. Будущее пространства-времени / пер. с англ. М. Варламова. СПб: Амфора, ТИД Амфора, 2009. 254 с.
12. Шпиц Р. Психопанализ раннего детского возраста М.: Университетская книга, ПЕР СЭ, 2001. 160 с.

References (transliteration):

1. Gegel' G.V.F. Leksii po istorii filosofii. Kn. 2. SPb: Nauka, 1994. 423 s.
2. Gurevich P.S. Psikhologiya: uchebnoe posobie. M.: Starik Vatuling, 2005. 720 s.
3. Ivanov-Razumnik R.V. O smysle zhizni. 2-oe izd. SPb, 1910.
4. Nitshe F. Po tu storonu dobra i zla: prelyudiya k filosofii budushchego / per. s nem. N. Polilova. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 398 s.
5. Platon. Izbrannye dialogi / per. S. P. Markish. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 442 s.
6. Tit Lukretsiy Kar. O prirode veshchey / Per. F.A. Petrovskiy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. 384 s.
7. Uspenskiy V.A. Teorema Gedelya o nepolnote. M.: Nauka, 1982. 110 s.
8. Freyd Z. Psikhika: struktura i funktsionirovanie / per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 230 s.
9. Fromm E. Dusha cheloveka. Ee sposobnost' k dobru i zlu. M.: Respublika, 1992. 430 s.
10. Khoking S. Kratkaya istoriya Vselennoy / per. s angl. SPb: Amfora, TID Amfora, 2010. 503 s.
11. Khoking S., Torn K., Novikov I., Ferris T., Laytman A., Prays R. Budushchee prostranstva-vremeni / per. s angl. M. Varlamova. SPb: Amfora, TID Amfora, 2009. 254 s.
12. Shpits R. Psikhoanaliz rannego detskogo vozrasta M.: Universitetskaya kniga, PER SE, 2001. 160 s.